

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СГОРЕВШАЯ ЗВЕЗДА

СТР. 4-5

ОДЕССИТЫ ВСТРЕЧАЮТСЯ В НЬЮ-ЙОРКЕ

СТР. 2

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№22 (312)
ИЮНЬ 2026

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

СТР. 9-11

ОДИН ИЗ ДУЭТА

СТР. 14-17

КОРОЛЬ ПИАРА

СТР. 6-8

МИХАЛ ИВАНЬЧ

ОДИН ИЗ ДУЭТА

Михаил Вашуков, куплетист, юморист. В его послужном списке — и более 20 лет работы в известном дуэте куплетистов Вашуков — Бандурин, и работа в популярной программе «Кривое зеркало», и участие в массе юмористических передач, и богатейший эстрадный опыт.

В молодости

С Николаем Бандуриным

Геннадий Норд

Его называют человеком трех «И» — искренность, искрометность, интуиция.

Михаил воспитывался в простой семье, не имеющей отношения к миру искусства. В детстве мальчик увлекался спортом, мечтал о карьере волейболиста. В школьные годы Вашуков выступал за сборную Ленинграда, а также являлся председателем совета командиров Василеостровской спортивной школы.

Получив аттестат зрелости, Михаил поступил в местное училище, выбрав специальность монтажника радиоаппаратуры. После его окончания был принят на работу на предприятие «Волна» НПО имени Коминтерна. Здесь Вашуков открыл в себе творческие таланты, и осознал, что ему нравится выступать перед публикой, видеть счастливые лица слушателей.

Для заводских мероприятий Михаил готовил короткие скетчи под гитару, пел частушки собственного и народного сочинения.

На одном из таких концертов присутствовал руководитель эстрадного отделения Музыкального училища при ленинградской консерватории имени Римского-Корсакова. Он предложил молодому самородку присоединиться к студентам факультета разговорной эстрады, где готовили конференсье и ведущие.

В это же время руководство завода направило Михаила в Высшую профсоюзную школу. Во время перерыва между занятиями парень решил зайти в Музыкальное училище, чтобы посмотреть и прочувствовать царившую там творческую атмосферу. В итоге, Вашуков пошел в приемную комиссию за расписанием вступительных экзаменов.

Михаил с легкостью прошел отбор, был зачислен в училище. Во время учебы он познакомился с еще одним талантливым парнем — Николаем Бандуриным. Молодые люди быстро нашли общий язык, интересы, реши-

ли объединить усилия, став дуэтом.

Уже в студенческие годы они успешно выступали на городских мероприятиях с музыкальными зарисовками собственного сочинения. У Вашукова была гитара, а у Бандурина гармошка-концертная.

После окончания училища, Вашуков и Бандурин по распределению попали в Новгородскую филармонию. При этом парни мечтали выступать в Ленконцерте, но чтобы пробиться туда, им пришлось ждать около года.

Когда мечта «разговорников» осуществилась, худсовет поставил перед дуэтом ультиматум: «Сейчас выступаете, или ждете осенний отбор».

Посоветовавшись несколько минут, Николай и Михаил решили идти вперед. И вечером артисты выступали в Октябрьском зале.

С этого момента началась активная гастрольная деятельность Вашукова и Бандурина. Тексты им писал легендарный Георгий Терек, работавший с такими звездами разговорного жанра, как Рудаков и Нечаев.

В 1989 году Михаил и Николай отправились в Кисловодск для участия в международном конкурсе артистов по речевым и эстрадным жанрам. Здесь они завоевали звание лауреатов.

В том же году Евгений Петросян пригласил харизматичный дуэт присоединиться к его театру и отправиться на гастроли по городам и республикам СССР.

С 1999 года Вашуков стал постоянным участником таких телевизионных программ, как: «Смехопанорама», «Кривое зеркало».

В 2009 году дуэт талантливых куплетистов официально перестал существовать. Что послужило причиной разрыва творческих отношений, ни одна из сторон не говорит.

Михаил выступает с сольными концертами, а также участвует во многих юмористических программах.

— Трудно было представить юмористическую программу на центральных телеканалах, идущую без участия дуэта Вашуков — Бандурин. Сложно ли было пробиться на экран, ведь артистов разговорного жанра очень много?

— Мы с Колей Бандуриным, наверное, были направлены кем-то свыше, потому что у нас не было ни одного

провального концерта. Я думаю, что мы попали в такое время, когда после ухода основных куплетистов, наших учителей Павла Рудакова и Вениамина Нечаева, появился пробел, пустота, которую надо было заполнить. И мы ее успешно заполнили на целых 23 года.

Сейчас в нашей профессии молодым безумно трудно. Вот снимаюсь в программе «Смеяться разрешается» и не раз приносил туда кассеты с записями выступлений, приводил молодых исполнителей. Их снимают, потом делается программа, но кадры с выступлениями молодежи в эфир не идут. И из раза в раз повторяется одна и та же ситуация.

— Мне, видимо, повезло — я попал в программу «Смеяться разрешается» сразу и сразу на экран.

— Ты совсем другое дело. Тебя знали и на эстраде, и на телевидении.

— Артистические задатки, как это принято называть, проявлялись у тебя с детства?

— Честно говоря, сначала я считал, что стану великим спортсменом. В школьном возрасте играл за сборную Ленинграда в волейбол, был председателем Совета командиров Василеостровского района Василеостровской спортивной школы. Вообще всеми видами спорта увлекался, да и сейчас прекрасно играю в футбол и баскетбол.

А после школы я вдруг начал активно заниматься самодеятельностью. Для начала, поступив в училище и выучившись, стал монтажником радиоаппаратуры на заводе «Волна». И именно тогда впервые вышел на сцену как участник художественной самодеятельности завода.

Однажды, будучи уже секретарем заводской комсомольской организации, ни с того ни с сего пошел на семинар работников культуры и показал там номер — вживую, без гитары. Я был самым молодым участником, и руководитель эстрадного отделения Музыкального училища при Ленинградской государственной консерватории имени Римского-Корсакова, проводивший семинар, меня заметил:

— Михаил, как вы смотрите на то, чтобы к нам в музыкальное училище пойти учиться? У нас есть отдел разговорной эстрады, где мы готовим конференсье, ведущих концертов, артистов разговорного жанра.

Я, конечно, был польщен, но решение поступать в училище пришло не сразу. Меня тогда направили в высшую профсоюзную школу культуры, характеристику написали, как космонавту! И как-то во время обеденного перерыва на курсах взял да и зашел в музыкальное училище, благо оно было неподалеку. Там мне понравилось, и потом, также во время обеденных перерывов, занимался, сдавал экзамены. И поступил.

— Со своим будущим партнером Николаем Бандуриным ты познакомился именно в музыкальном училище?

С Ириной Грибулиной

Окончание на с. 10

С Игорем Христенко

С Александром Морозовым

С Зинаидой Кириенко

В фильме «На Дерибасовской хорошая погода, на Брайтон-бич опять идут дожди»

Окончание. Начало на с.9

— Да, но могли бы познакомиться и раньше. Когда я работал монтажником радиоаппаратуры, Коля был токарем-универсалом на Кировском заводе, расположенном практически напротив нашего НПО через проспект Стачек. Несколько лет мы ходили по одной и той же дороге, но вот познакомились только в консерватории. Познакомились — и решили работать вместе.

После диплома нас распределили в Новгородскую филармонию. Мест в Ленконцерте, где и без нас было 300 разговорников, не было.

Через год вернулись в Ленинград. Сначала в Ленконцерт взяли Колю, меня — позже, вместо Ромы Казакова. Мне позвонили:

— Миша, освободилось место.

Я прибегаю в отдел кадров:

— Запишите меня в разговорный отдел.

Мне говорят:

— А вместо кого вы?

— Не знаю.

Я поднимаюсь к худруку и узнаю: умер Рома Казаков. Это первый партнер Ильи Олейникова. («— Ну, вопрос, конечно, интересный» — помнишь такой номер?)

И мне вдруг так стало нехорошо. Я любил этот дуэт. Я подхожу к Бандурину и говорю:

— Меня взяли вместо Ромы Казакова.

— Ну и что, будешь нести его крест на себе, — ответил Николай.

— Как скоро, став артистами Ленконцерта, начали выступать?

— Практически, сразу же. Нам сказали: либо сейчас выступаете, проходите худсовет, либо только осенью. А была весна. Мы подумали: чего тянуть? И вышли. Худсовету показали с номером, уже с куплетами.

Павел Васильевич Рудаков показал Коле, как играть на гармошке двумя пальцами, и уехал в Кисловодск отдыхать. Из семи членов жюри трое были против, сказали, что куплеты — это уже архаика. Трое были — за. И тут художественный руководитель эстрады Государственного концертно-филармонического учреждения «Петербург-концерт» Бен Николаевич Бенцианов сказал:

— Я посмотрел сейчас на ребят, и меня такая ностальгия охватила. Пускай попробуют.

И свой голос в нашу сторону — бах! А после худсовета мы уже вечером в Октябрьском зале работали концерт. И всё, с этого дня все пошло-поехало, и все было замечательно.

— Вы выступали с юмористическими и сатирическими куплетами и во времена СССР, и после его распада. Насколько строже была цензура в 1980-х, и насколько реально шутить, как хочется, в наши дни?

— В 80-е годы было жестко, но шутить мы имели право. Дело в том, что мы являлись партийными людьми.

Был случай, когда на концерте мы спели куплет:

*В Ленинграде дамбу строят,
День и ночь кипит работа.
У лягушек праздник скоро —
Будет новое болото.*

А на концерте был секретарь парткома дамы. Естественно, соответствующая бумага потом пришла в Ленконцерт. Правда, обвиняли не нас — ну, как такое от молодых ожидать? — а известного куплетиста Германа Орлова. Его вызывают на партком, а он говорит: не я это. Потом, конечно, узнали, что это мы. Нам — по выговору, с занесением.

Мы писали очень острые куплеты и частушки. Например, начинали выступление с куплета:

Ты куда идешь, страна?

Я иду тихонько на...

На работу? На учебу?

Нет, просто «на», без уточнения.

И зритель понимал, что сейчас будет что-то такое, с перчиком.

Наши куплеты принимались очень хорошо, причем всеми — и партийными, и беспартийными зрителями. Больше всего мы, конечно, работали на простую публику, на людей, которые каждый день встречаются нам на концертных площадках, в метро, на улицах, в магазинах, где угодно.

И сейчас сатирический куплет востребован как никогда. Но вот считается, что у нас всё хорошо в стране и сатиры быть не должно. И поэтому, когда звучит какой-то сатирический намек, то сразу возникает у людей желание убрать этот куплет. А если убрать куплет — значит, убрать все произведение.

— Стихи для куплетов вы пишете сами?

— И сами писали, и авторы у нас были. До сих пор у меня автор замечательный есть, который писал еще Рудакову и Нечаеву, Георгий Карпович Терекнов. Он легендарный человек! Дома у Георгия Карповича целые стеллажи книг, которые он сам написал про куплеты, и к ним — картотека.

Я звоню и говорю:

— Георгий Карпович, нужен материал. Срочно.

Он спрашивает:

— На какую тему?

— И отыскивает куплеты времен 60-70 годов прошлого века, и в большинстве случаев они попадают в точку. То есть практически ничего не изменилось в некоторых моментах нашей жизни!

А Лион Измайлов вообще говорит так:

— Вот я написал смешной материал, он себя отработал, я его откладываю. Проходит семь лет, я его выпускаю — он как свеженький, чуть-чуть поменял два слова, и всё.

— А зарабатывали в советское время много?

— Ставка за концерт была 4 рубля 50 копеек. И мы умудрялись в месяц сделать 70-80 концертов, чтобы принести домой деньги. По тем временам у всех была зарплата 120 рублей, а я получал где-то 300-350 в месяц. Это было нормально. Но работали мы много, с постоянными поездками — с кофром, гитарой на себе, спина сорвана. У нас была обширная концертная география.

Нам с Колей, когда начинали, было в диковинку всё: нравилось ездить, летать куда угодно. Мы повесили карту Советского Союза и стали втыкать флажки в обозначения городов, где мы были. Потом флажки стали выпадать, мы стали обводить города кружочками. Когда кружочки стали повторяться, мы стали кружочки в треугольнички обрамлять, потом треугольнички — в квадратики. И когда получилась карта Советского Союза вся черная, мы поняли, что дальше этим заниматься бессмысленно.

А дома было так: смотрим прогноз погоды в программе «Время». Допустим, показывают: в Красноярске — минус столько-то, и вид города на экране. И сын все время спрашивал:

— А ты там был?

— Был.

И про каждый город, по большому счету, можно что-то рассказать, потому что везде происходило что-то интересное. Можно говорить бесконечно.

— Какие гастроли вам запомнились больше всего?

— В Чечне. Выступали мы на стадионе, и люди сидели

С Геннадием Нордом

не только на зрительских местах, но и на крышах соседних домов. После концерта подходит чеченец и говорит:

— О, какой концерт, с крыши смотрел!

Колька спрашивает:

— У вас, наверное, бинокль?

— Нет.

И показывает нам винтовку с оптическим прицелом. Он через прицел смотрел концерт.

— Было страшно?

— Да. Вообще мы всегда были легки на подъем. Нам ведь и инструментов особых даже не надо было, мы работали только живьем: гармошка-концертина у Коли и гитара у меня.

Мы 10 лет отработали в Ленконцерте, а потом 15 лет с Николаем Бандуриным уже в Москве. Сначала в Москонцерте, а потом каждый из нас разошелся в разные организации.

— Но дуэт ведь больше не существует.

— Мы перестали работать вместе в 2009 году. Мы Николаем Бандуриным, как дуэт, распались, и не работаем вместе на эстраде, а вот телевизионные передачи снимаем вместе.

— Дружба сохранилась?

— Да.

— А другого партнера не пробовал?

— Какого бы партнера я не попробовал рядом с собой — не принимают зрители. Они весь номер сидят и смотрят, сравнивают.

— Что же стало причиной разрыва?

— Я вспоминаю куплеты, которые мы пели. Анализирую, правильно ли мы всё делали. Потому что у нас возникли разногласия на этот счет. Всегда, наверное, артист приходит к такому моменту, когда нужно понять, правильно ли ты делаешь и что делать дальше. Мы на этот вопрос ответа не нашли.

Мы с Колей очень много лет вместе, из одной миски хлебали, когда начинали работать на эстраде. Это сейчас можно вздохнуть и вспомнить об этом со смехом. А тогда — складчину жили. Работали, женились, снова работали, а потом разошлись.

Они приехали ко мне с Мариной, директором нашим, его женой, и сказали, что мы больше вместе не работаем, хотим работать по отдельности.

Всё бы ничего, люди когда-нибудь приходят к такому мнению. У нас коллектив был — три человека: мы с Колей и его жена. К сожалению, она, наверное, очень сильно руководила не только нами, но и им в домашних условиях, поэтому он принял ее сторону.

Самое неприятное, что у меня за спиной подготовили замену мне, не сказав. Нечестно.

Павел Васильевич Рудаков, я все время к нему обращаюсь, он нам, молодым, в свое время говорил:

— Ни в коем случае не делайте своих жен директорами, это приведет к гибели.

В его жизни произошла подобная ситуация. Его жена была директором дуэта Рудаков — Нечаев, и эту знаменитую пару развели жены. Но у них был квартирный вопрос. Нам делить, по большому счету, было нечего.

— Ты продолжаешь работать?

— Я продолжаю работать один, сочинять и исполнять куплеты, веду концерты, корпоративные вечера. Если я свободен, я всегда поеду и отработаю, чего сидеть. Артист должен находиться в тренинге. Если месяц-два сидеть без работы — я на себе испытал — выходишь и начинаешь мандражировать на сцене.

— Вместе с Николаем Бандуриным вы долго были постоянными участниками «Кривого зеркала». После разрыва вы оба остались в программе?

— Сейчас и «Кривое зеркало» закрыто. Но я долго был артистом программы «Кривое зеркало», а Николай ушел.

Но мы вместе участвуем в программе «Смеяться разрешается».

— Сейчас на телевидении появилось множество юмористических программ. Но некоторые шутки, порой кажутся весьма пошлыми.

— Это проблема, не зависящая от артистов. Потому что от артистов требуют, чтобы они давали продукт. Причем быстро. А быстрый продукт — это тят-ляп. Просто пошлый. Раньше был худсовет, раньше этого не допускали. Сейчас — кто во что горазд, сейчас некоторые авторы выходят и читают с листа свой текст, который они вчера написали, не проверив нигде.

Вот КВНщики выдвинули такую версию: если смешно — значит, не пошло. Это не так. Просто надо делать так, чтобы это было смешно, но не пошло.

Другая формулировка. Не должно быть скабрёзности. Раньше ее и не было. Если есть подтекст, на который ложится чуть-чуть юморочек другого плана, — это нормально, каждый думает в меру своей испорченности. В этом была изюминка.

А сейчас — в открытую, со сцены и с экрана дворовый юмор, с улицы, из автобуса, из метро. Давайте тогда уж в фуфайках будем ходить по сцене, в сапогах приходить в театр. Вот к этому все у нас идет.

У меня есть куплеты в тему:

Пропел я на песни бывшие немало куплетов лихих.

Сегодня же песни такие, куплеты не сложишь на них.

*Бессмыслица режет нам ухо, от текста бросает нас в пот,
Не все еще песни пока что чернуха, но к этому дело идет.*

— А какой юмор тебе нравится?

— Мне нравится вообще юмор, когда он доступен, когда он прост.

— Почему-то считается, что люди, чья профессия связана с юмором, в обычной жизни грустные или мрачные.

— Я не считаю себя мрачным человеком. Наверное, у любого человека бывают моменты, когда всё надоедает. Но депрессия легко убирается. Я сажусь за компьютер напечатать какие-то тексты, беру гитарку в руки.

Я могу быть грустным только наедине с самим собой. А когда собираются люди, и если меж ними есть какая-то натянутость, естественно, я тихонечко, пытаюсь делать так, чтобы атмосфера была чуть-чуть другой.

Это на каждом концерте, зритель ведь каждый раз разный.

— Ты сам пишешь куплеты. А лирические стихи когда-нибудь сочинял?

— Обязательно. Я писал только стихами все письма, какие-то поздравления. Кстати, о лирике. Моя жена педагог. Когда мы познакомились в Ленинграде, она жила при школе, там был концертный зал, где мы репетировали.

Она так хорошо готовила! У нас был театр — семь человек, и мы все стали к ней каждый день ходить. А она готовит и готовит. Я думаю: вот какая женщина хорошая! Она нас кормила, и когда прошло два месяца, говорит мне:

— Михаил, я понимаю, что у меня тут общежитие при школе, но не весь же курс кормить? Давай уже серьезные отношения налаживать.

Я согласился. Мы уезжали на гастроли на три месяца, на все лето.

Говорю:

— Давай проверим чувства, приеду — и мы поженимся.

Но заявление в ЗАГС мы подали еще до гастролей. Я уехал на гастроли, а там другая жизнь. Писал будущей жене письма в стихах между концертами и застольями. Приехал, а она говорит:

— У нас заявление подано.

И я понимаю, как я попал. Пошли и поженились. Кстати, успешно.

— Ты считаешь себя успешным человеком?

— Точно знаю, что получил все, что мог, потому что не было практически такой концертной площадки, такого концерта, где бы мы с Бандуриным не участвовали. Всё у нас было: и диски, и плакаты, всё что угодно! Народ узнает.

Вот открыли новый магазин, зашел с женой посмотреть. Народ сбегается, продавцы смотрят, кто пришел. Я стараюсь на это не обращать внимания, «будь проще — и люди к тебе потянутся».

А вот поклонниц нет, и это замечательно. У меня такой жанр. Поклонницы — те, кто приходит на концерт. Сейчас настало такое время, может быть, я пропустил, проморгал своих поклонниц. Приходят женщины в возрасте и говорят:

— Моя мама так вас любит!

А молоденькие подбегают:

— Бабушка просто в восторге!

— Какие у тебя планы?

— Жанр, в котором я работаю, был востребован прежде, востребован и сейчас. Поэтому в планах — работа. И, слава Богу!

С супругой

